

Бабек МАМЕДЛИ
Писатель

Софие взяла кастрюльку с молочной кашей, которую готовила спозаранку, и выскочила из дома. Она спешила к соседке, жившей за два дома от нее. Всю дорогу Софие неотступно преследовали гнетущие мысли, а сердце сжималось от страха, едва представляла она бездыханное тело в квартире. У двери соседского дома она привычно перевела дыхание, дрожь в коленях кое-как унялась, но сердце все еще трепетало. Она хотела перекреститься, как вдруг вспомнила, что обеими руками крепко вцепилась в кастрюльку. Пролетев что-то себе под нос, Софие налегла локтем на ручку и толкнула боком подвинувшуюся со скрипом дверь. Петли натруженно заскрежетали, нарушив тишину вокруг. Протяжный скрип железной двери показался ей неким предзнаменованием. Поежившись, она втянула голову в плечи и поспешила пнуть дверь пяткой, юркнула внутрь. Слово расшвыряло от подобной неучливости, дверь со всего маха хлопнула. Софие вздрогнула, в правом ухе ее опять загудело. Едва не расплескав кашу в коридоре, она кое-как доплелась до кухни.

Луиза Ламашвили лежала неподвижно, скрестив на груди пальцы с выпяченными костяшками и вперив помутившийся взгляд в потолок. Даже величественные настенные часы не осмеливались нарушить умиротворенные комнаты, маятник лениво раскачивался из стороны в сторону, как хвост kota-лежебоки... На бледном лице Луизы Ламашвили еще были различимы проблески жизни.

Софие осторожно, на цыпочках, словно опасаясь спугнуть жизнь, приближалась к кровати, радуясь каждому вздыманию груди женщины. "Слава богу, жива!", - подумала Софие и от сердца ее отлегло. Однажды пожилая Луиза напугала ее, и тот страх воскресал из глубин подсознания Софие всякий раз, когда приходила пора навестить соседку...

- Что это вы тут артистничаете, уважаемая?!

Софие улыбнулась, обнажив белоснежные вставные зубы. Сомнения и страхи окончательно покинули ее.

Луиза приветственно подняла руку, но рука ее тут же в бессилии упала на кровать. В комнате стоял тяжелый, застарелый запах лекарств.

- Чистый воздух, Иза, вот твоё лекарство! - сказала Софие и открыла настежь окна. - Ну, и, конечно, моя каша! Такой вкусной каши ты еще не ела, не правда ли?! Хо-хо-хо! - бахвалилась Софие, пытаясь приободрить себя и пожилую соседку. - Помнишь, когда ты слегла в конце октября, Илия прислал тебе кроваво-красный "Сапери", уверив, что твой гемоглобин после этого будет прыгать и скакать. Тогда ты говорила, что не дотянешь до следующей осени. Но вот видишь, осень наступила, ты, слава богу, жива. Предсказатель из тебя, конечно, нукадышный! - пожурила соседку Софие, озорно прищутив глаз и сотрясая пальцем. - Ты всех надула!

Луиза от шуток соседки заметно приободрилась, поверив в то, что болезнь отступила. Софие ловко отодвинула разложенные на столе склянки с микстурами в сторонку.

- Ты наверняка знаешь эту притчу, Иза... Вот, послушай... Как-то сильно захворала юная дочь иконописца. Он позвал лучшего врача в городе, тот пришел, осмотрел девочку и сказал, что она не доживет до зимы. Девочка услышала слова врача, предрекавшего ей скорую кончину. "Весна на исходе, придет лето, потом осень. И зимой моя история подойдет к концу", - горько произнесла девочка, обливаясь горючими слезами. Убитый горем отец не знал, чем помочь бедняжке. От безысходности он хотел даже повеситься. Время шло своим чередом, безмятежно текло, как песок сквозь сито, наступил конец лета. Бог уже держал наготове ушаты дождя, чтобы окатить ими горы и леса, смести пыль с них и подарить живительную прохладу...

Тут Софие вспомнила про кашу, метнулась на кухню и вернулась с тарелкой в руках. Она заботливо приподняла Луизу, положила ей за спину подушку, подкатила табуретку и стала кормить пожилую женщину кашей, как ребенка.

- Да, Иза... Вот такие дела... На чем я остановилась?! Ах да... Отец смертельно больной девочки днями напролет думал о том, как помочь дочери. И однажды ему в голову пришла мысль разукрасить безликие, мрачные окна дочери. Посреди ночи, пока девочка спала, он нарисовал лето на ее окнах. Что ты вытарасила глаза, да-да, именно лето - чистое, голубое небо, сочную, зеленую траву, высокие, стройные деревья. Да так мастерски, что казалось, будто и впрямь все еще лето. Девочка, открыв поутру глаза, решила, что до зимы, когда врач предрекал ей смерть, еще далеко. Так она пережила зиму, а к лету совсем выздоровела.

Луиза заметно ожила и, доедая последнюю ложку каши, уже верила в то, что непременно встанет на ноги, но не подала виду.

- Твои сравнения неуместны, дорогая. Видно, ты запаматовала, что мне уже за восемьдесят, где ж мне тягаться с девочкой! Или ты тоже собралась разрисовывать мои окна?! Вместо этого лучше бы протирали их изредка, я бы полюбовалась на Алазани.

ГОРОД

Софие ничего толком не поняла, но совершенно искренне обрадовалась опустевшей тарелке с кашей. "Значит, пришлось по вкусу", - тотчас подумала Софие. Не зря же Илия везде расхваливает ее стряпню! Положив на стол тарелку, она краешком сжатой в руке салфетки протерла рот пожилой соседке. А затем собрала растрепавшиеся седые пряди Луизы, разладила их пальцами, аккуратно уложила ей на грудь и затянула старинную мегрельскую песню.

*Дха до серит мопируди ма
скани чир ма*

*нана нана нанаио
нана нана нанаио наааа
нана нана нанаио...*

- Перестань завывать, как за упкой, и так тошно... - страдальческое лицо Луизы Ламашвили сморщилось в недовольную гримасу.

Уловив еле слышное бормотание и скользнув взглядом по искажившемуся лицу пожилой женщины, Софие умолкла.

- Ну, как ты? - тишина навела на Софие уныние.

Луиза молчала, не в силах вымолвить и слова. Но Софие была неумолима. Может, опасаясь худшего, а может, полагая, что пожилая Луиза не слышит ее, она вновь и вновь повторяла свой вопрос.

- Софи, заклинаю тебя памятью Святой Нино, ради бога, оставь меня в покое. Твои глупые вопросы сведут меня со свету! Так бы и сбежала отсюда!

На мгновение Луизе показалось, что она и впрямь может подняться, и сбежать...

Софие молча, очень внимательно следила за шевелением губ пожилой соседки.

- Разумеется, мне плохо, глупая мегрелка! До чего же мне жаль твоего Илия, бедолага, как он только терпит тебя все эти годы! Расчеши мои волосы гребешком, гребешком. Софи, не руками, - взмолилась Луиза и, взмахнув рукой, указывая на подоконник, где по всей видимости лежал гребешок, едва не угодила в глаз Софие. Последние слова сорвались с ее губ, как последний вздох, ее тело размякло и рухнуло на кровать.

Софие поднялась с табуретки и у самого подоконника, где лежал гребешок, ее взгляд приковал крест на макушке остроконечной башни кафедрального собора Святого Георгия, пронзавший тонкую пелену тумана. Она тут же набожно перекрестилась. Софие раскраснелась от тепла, разливавшегося по ее разомлевшему, тучному телу и теперь ее конопатое, пуңцовое лицо напоминало только что вынутый из печи калач. Она была в приподнятом настроении. Вечером какой-то иностранец купил картину Пирсоманишвили "Сбор винограда в Кахетии" и ее авторскую работу "Осень в Алазани". Радость переполняла Софие. "Моя работа украсит дом в Европе - храме искусства, и внизу картины будет красоваться подпись "Софие Пачулия". Когда пойдет речь о грузинских художниках, мое имя будет упоминается наряду с Пирсомани", - сказала Софие, причесывая волосы Луизы, - и тут же в сердцах добавила: "Наверное". - Хотя этого бедолагу тоже оценили очень поздно. Был же глухой музыкант, отчего же не быть глухому художнику? Так меня будут называть - глухой художник. Ну и пусть говорят, меня это совсем не обижает, слышишь, Иза?! Они узнают об мне, а еще о Сигнахи, Алазани. Тогда сюда хлынут потоки туристов. Пусть приезжают, хоть будет чем заняться. А то серость, как твоя болезнь, окончатель-

ЛЮБВИ

но поглотит нас, сотрет и без того полинялые краски жизни...

Причесывая волосы пожилой соседки, Софии делилась своей радостью. Той самой, что охватила ее вчера вечером в парке "Йори", когда она выручила неплохие деньги за копию картины Пиросманишвили и свою авторскую работу. По дороге домой она думала о том, что этих денег хватит на покрытие части долгов. Протянув деньги мужу, Софии хотелось рассказать ему о своей удаче, но передумала. Постеснялась, решив, что это покажется зазнайством. А Илия даже не спросил, откуда у его жены такие деньги, как прошел ее день, какие картины удалось продать... Попыхивая сигаретой, он молча сунул скомканные купюры в карман. Софии корбило безразличие мужа, но эта пушногорудая женщина с могучим торсом старалась изо всех сил, чтобы вернуть его любовь. Она точно знала, что счастливым Илию сделает только обилие денег...

- Сколько заплатили за картину, Софи? Что ты нарисовала?

Глядя на отрешенное лицо соседки, Луиза поняла, что она ничего не расслышала толком. Поэтому решила повторить сказанное, отчетливо выговаривая каждое слово по слогам.

- Что ты на-ри-со-ва-ла, Со-фи?

- Я нарисовала Алазанскую долину, - ответила Софи, махнув головой в сторону окна. Луизе очень хотелось хоть краем глаза взглянуть на Алазани. Вот уже три дня, как долину заволок туман. Алазани вскипала как молоко, покрывшись густой пеной, зачерпни и сними самые сливки...

Луиза с трудом приподнялась на кровати, но тут же рухнула без сил.

Несколько лет назад от оплеухи, которую отвесил своим тяжелыми ручищами Илия, в левом ухе Софии лопнула барабанная перепонка, а в правом время от времени гудело и стреляло. Когда шум в ушах усиливался, ей приходилось читать по губам собеседника.

- Может ты рисовала и храм Святого Георгия? - Луиза задавала вопросы без особого энтузиазма, просто чтобы нарушить молчание. От безмолвия веяло смертью... - А может еще и Бодбе, а?

- Разве с балкона грека Дмитрия виден Бодбийский монастырь?

- Конечно же нет, ведь дом грека Дмитрия ниже на две улицы от нашего, другое дело с нашей веранды... С нашей веранды видны оба... Ты так и не сказала, за сколько продала картины...

Луиза спрашивала и утверждала в одно и то же время с присущим жен-

ским любопытством и дотошностью. Слова она решила подкрепить жестиком, открыв ладошку, принялась водить ею вправо и влево.

Софии поняла, что соседка спрашивает о вчерашней выручке.

- За Пиросмани дали сто лари, а за мою картину - двести пятьдесят. Про пятьдесят лари она приврала и тут же зарделась, постеснявшись сказанного.

- Надо было рисовать Бодбе, тогда наверняка выручила бы триста лари. Бодбе более величественный, к тому же Святая Нино помогает страждущим!

Софии приложила ладонь к правому уху, потом убрала руку, но гул не утихал. Она открывала и закрывала рот, хлопая губами, как рыба, выброшенная на берег, гул вроде поутих.

- Что ты говорила, Иза? Я не расслышала.

- Я говорила, Пресвятая Нино помогает всем, надо было рисовать Бодбе, за него дают хорошие деньги.

Слова соседки напомнили Софии о безразличии мужа. Она опять расстроилась и вскипела:

- Что ты заладила: Бодбе, Бодбе! Не криви душу, Луиза! Как сейчас помню тот день, когда бедолагу Григора, мужа твоего покойного, сразила молния. Даже гроб в церкви не дали открыть! Где же была твоя Нино, почему не поощила его, а? А когда твой сын Леван, этот богатый, спился в России и, скрученный разгульной жизнью и циррозом в три погубили, вернулся к тебе, и отдал душу богу прямо у тебя на руках, почему же хваленая Нино не выила твоим мольбам?! Почему, скажи?!

От испуга и удивления глаза Луизы округлились.

- Тебе еще крупно повезло, что твой младшенький Анзор загремел в тюрьму, а то погиб бы на войне в Украине.

Луиза истоиво перекрестилась.

- Не гневи бога, несчастная! Иисус, поощи ее, несмышленную, не ведает, что творит!

- Хватит причитать, не поможет! Погляди на себя! всю жизнь ты жила по-божески, никому не причинила зла, даже мухи не обидела, и вот на старости лет, ты одна-одинешенька, осталась без помощи, прикованной к постели! Что ты на это скажешь? Так и должно было случиться, по-твоему?! Ты скажешь, годы берут свое, допустим, но почему бог отнял у тебя сыновей? Разве это справедливо?! Я еще не говорю о своем Илие! Софии потянулась за платком в карман жакета, но слезы так и хлынули из ее глаз. Утерев нос, она плакала навзрыд. - Мало мне своих забот, бог насылает мне но-

вые испытания! Сколько помню себя, всегда безропотно молилась Богу и сейчас, когда половина моей жизни уже пройдена, имею полное право просить Господа. Я ведь не прошу многого, только бы мой Илия перестал пить и играть в азартные игры! Нам уже скоро внуков нянчить, а я молось и надеюсь, что Илия станет прежним!

Она вздохнула и утерла нос платком. В комнате вдруг стало тихо. Софии будто замерла на мгновение, но внутри все так и клокотало.

- Илия больше не любит меня, Иза, совсем не любит! Он меня использует, как проститутку. Днем дел невпроворот, только ночью я могу выгадать время на живопись, и то все вырученные деньги уходят на его загулы и кутежи с друзьями. И ему безразлично, каким трудом достаются деньги, которые он спускает на ветер. Софии опять расплакалась. Луиза рыдала в унисон с ней. Глубоко в душе она, конечно, была согласна с соседкой, и причем давно! Услышав о том, что ее сын Леван спился в России, она каждый день, сторбившись от горя, приходила в Бодбе поставить свечку и помолиться за него. Только все без толку... С той поры и залегла в израненное материнское сердце обида на Святую Нино, которая, некогда покинув Кападокию, обошла многие города и веси, неся христианскую веру, и в итоге обосновалась в небольшом городке, где и преставилась. Она хорошо помнила, как ее муж, которого все в округе звали "армянин Григор", завершил ремонт семейного гнезда у дороги в Алазани. Вместе они строили планы на будущее, грезили справить свадьбы сыновей - Левана и Анзора, собирались позвать на торжество гармониста Нику, кларнетщика Самсона и гавалиста Ашота. Мечтая об этом, ее муж с воодушевлением построил своими руками мангал из красного кирпича на том конце длиннющей веранды с живописным видом на долину, а верх дымовой трубы аккуратно облицевал белым кирпичом. У этого мангала Григор круглый год устраивал посиделки родным, соседям, друзьям, знакомым, вместе со своей семьей сидел на веранде, потягивая вино за исполнение заветных желаний и размышляя о будущем. Но судьба распорядилась иначе...

С веранды Григора древняя крепостная стена, казалось, ныряла вглубь долины и ускользала из виду. Сигнахи не зря прозвали "городом любви". Круглые сутки здесь открыт Дом бракосочетаний и рядышком Винная Шахро, где можно тут же весело отметить счастливые мгновения жизни. Пары, расписавшиеся в Доме бракосочетаний, непременно приходили в таверну Шахро, неизменно радостного и веселого. Он встречал гостей с распростертыми объятиями и услужливо их слух лирическими песнями, исполненными своим неповторимым, бархатным голосом. Каждое утро в Сигнахи можно встретить счастливые пары, прогуливающиеся руку об руку,

скрепив себя узами брака в этом маленьком городе-крепости...

В ту пору, когда Григор отстроил веранду, с которой открывался захватывающий дух вид на долину, Луиза еще не утратила былой красоты, статная и привлекательная, ходила она, покачивая боками, а пышная грудь ее, точно зажатая в тисках под халатом, то и дело норовила вырваться наружу... Прибрав в доме, она накрывала на стол. Вся семья собиралась на веранде - они с мужем и двое сыновей. Окидывая взором таинственную Алазанскую долину, семья обсуждала повседневные заботы и строила планы на будущее.

Григор заготовил два кувшина белого вина из сорта Ркачители на свадьбу сыновей и закопал их до срока под одной из колонн веранды. Месяц назад Луиза рассказала Софии о том, где припрятано вино. "На поминках Левана я так растерялась, что напрочь забыла о кувшинах с вином. Хорошо, соседи выручили. Да упокоит Всевышний душу Григора, прозорливым был человеком, настоящим спутником жизни. Только, видно, заготовленное им вино будет распито на моих похоронах... Обязательно сохраните один кувшин на свадьбу Анзора! Не упускай из виду Илию, а то этот пропойца осушит все до дна", - назидала Луиза.

Луиза была запасливой женщиной, припасенные на свою панихиду деньги она передала Софии:

- Здесь три тысячи лари, пересчитай... Что останется, отдай вместе с ключами от дома моему Анзору, когда он вернется...

В тихий, спокойный день, когда даже кошка с собакой жили в мире и согласии, Зевс-громовержец в мгновение ока поразил несчастного Григора, превратив его в груды пепла. Несчастье ворвалось в дом Луизы, с тех пор слезы ее не пересыхали.

Поначалу Луизе казалось, что она не любит Григора. То есть не любит так, как любят пары, до самого утра празднующие самое счастливое мгновение в своей жизни в Винной Шахро. Но когда она всем своим существом ощутила отсутствие Григора, только тогда Луиза осознала, как была привязана к покойному мужу.

Григор был спокойным, покладистым человеком. Любая работа спорилась в его руках. А жену он любил так же пылко, как и в юности. Многие считали Луизу очень счастливой и в тайне завидовали ей. Время от времени Луиза, желая вознаградить мужа, снимала крест с шеи, прикладывая его к губам, а потом, положив в сторонку, раздевалась догола и укладывалась в постель. Снекнув, в чем дело, Григор, радуясь, как мальчишка, утыкал свой нос между ее грудей, а потом, охваченной страстью, истоиво целовал их. Вспоминая ночи, полные любви и вождения, Луиза стеснялась своей поникшей груди, сдувшейся, как воздушный шар, и успокаивала себя мыслью о том, что Григор не застал ее такой...

ГОРОД ЛЮБВИ

→ 13

Мало было Луизе горя от утраты мужа, как еще одна беда обрушилась на ее голову - Анзор, отправившийся на заработки в Россию, вляпался в темную историю и загремел на 10 лет, отбывая срок в "Белом лебеде". А судьба его старшего брата сложилась еще печальнее: он пристрастился к спиртному. Луиза перебивалась тем, что сдавала посуточно пару комнат туристам. Спустя несколько лет Леван вернулся совершенно разбитым. Он беспробудно пил, уходил в запой, днями напролет пропадая в погреб и лишь изредка, держась за стенку, выбирался наружу, чтобы справить нужду. Вскоре он пропил все деньги пожилой матери, которые собирала она по крупичкам. Несчастливая Луиза, еле волоча ноги, спускалась по ночам в подвал, проверить пульс сына... Она водила испещренной морщинами рукой по густым копнам волос Левана, вспоминала детство своих мальчиков.

Мысли о сыновьях не покидали Луизу, она думала о том, как ее Анзор. Жив ли, здоров ли? Вот уже три месяца он не писал ни строчки. В последнем своем письме он извещал о том, что у него все в порядке и выражал надежду выйти по амнистии под Новый год. "Отсиделся бы, пока идет война, а то неровен час, отправят воевать с Украиной. В словах Софи есть правда..." От этой мысли она поежилась и окончательно проснулась. Софии давно ушла, дом опять опустел...

* * *

Небо заволокли свинцовые тучи, на Сигнахи опустился густой туман. В этот раз раньше обыкновенного. Софии свернула свои рисунки, сложила мольберт. "Пора собираться", - подумала она, взглянув на хмурое небо. Начиналась изморось.

Придя домой, она взялась за приготовления. Измельчила чеснок и, смешав с капелькой виноградного уксуса, добавила в смалец. Илия, поужинав, взялся отнести это снадобье пожилой Луизе.

Дождь лил как из ведра, туман рассеялся.

Луиза лежала, уставившись стеклянными глазами в потолок. Потрес-

кавшиеся тонкие губы ее были приоткрыты, дыхание еле прорезалось. Небо оплакивало одинокую старуху. Тарабанивший в окна дождь манил Луизу за собой.

Страхи больше не тревожили Софи. Она бойко шла проведать пожилую соседку. Даже собиралась позвать отца Серафима прочесть псалтырь для Изы... Перед глазами Софии воскресала картина предсмертной агонии бабушки. Она утихла только после того, как прыжала фотографию сына в далекой Сибири. Софии сняла со стены семейный портрет и положила на грудь Луизе. Не отрывая взгляда от потолка, пожилая Луиза нащупала и отыскала руку Софии. Силы покидали ее, она опустила морщинистую руку на руку соседки в знак благодарности. В глазах Софии блеснули слезы. Одна за другой капельки предательски сбегали по щеке, нависая над влажными, распухшими губами. Софии впервые за много лет внимательно рассматривала фотографию, с которой глядела на нее счастливая Луиза в окружении своей семьи. Рядом с ней сидел молодой Григор с черными, как смоль, курчавыми волосами, на коленях он держал трехлетнего Анзора, а рядом были Луиза и пятилетний Леван. Лица людей на фотографии светились от счастья. На мгновение Софии показалось, что еще минута и дети выскочат из фотографии и пустятся озорничать по дому. Под фото стояла надпись: "Май, 1979". Много слез выплакала Луиза, глядя на эту фотографию. Фотография была сделана в фотоателье Заали во время первомайского парада. Как только ни старался старик Заали, чтобы дети смотрели в объектив, даже замысловатые фигурки животных выводил короткими, пухлыми пальцами.

...Софии вздрогнула от внезапного грохота снаружи и последовавших вслед за этим визгов молодых людей. Алазани на мгновение озарилась светом. В разноцветных фейерверках крепостная стена стала походить на гигантского змея, уползающего в самое сердце долины.

"Вот оно, счастье!" - прошептала в сердцах Софии.

Перевод Надии КАФАРОВОЙ